

УДК 327(519+47)''1920/1922''

doi 10.17072/2219-3111-2022-2-166-178

Ссылка для цитирования: *Ким Н. Н.* Временное правительство Республики Корея в поисках сотрудничества с Советской Россией: 1920–1922 годы // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 2(57). С. 166–178.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ПОИСКАХ СОТРУДНИЧЕСТВА С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ: 1920–1922 ГОДЫ¹

Н. Н. Ким

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, 11

Институт востоковедения Российской академии наук, 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12

nkim@hse.ru

ORCID: 0000-0001-7728-7968

ResearcherID: J-8327-2015

Scopus Author: 57216869879

В результате Первомартовского восстания, охватившего колониальную Корею весной 1919 г., в Шанхае было создано Временное правительство Республики Корея. Одной из главных задач Временного правительства было достижение международного признания и получение финансовой помощи для реализации антияпонского сопротивления. С этой целью оно попыталось установить контакт с Советским правительством, выразившим поддержку национально-освободительному движению корейцев против японского империализма. В статье на основе документов Архива внешней политики РФ и опубликованных источников Российского архива социально-политической истории проанализирована переписка между Временным правительством Республики Корея и Правительством РСФСР, определены ключевые проблемы двусторонних отношений в 1920–1922 гг. В частности, доказано, что изначально отношения двух сторон строились на дружелюбной основе. Советское правительство было заинтересовано в углублении сотрудничества со всеми группами корейского антияпонского сопротивления. Но по мере изменения ситуации на Дальневосточном фронте, углубления раскола внутри левого корейского движения в России и за рубежом, советская позиция по отношению к корейским националистам изменилась. При этом Временное правительство РК по-прежнему было заинтересовано в признании и финансовой помощи со стороны большевиков. Отправка двух эмиссаров Временного правительства в Россию в течение всего двух лет свидетельствует о серьезных противоречиях внутри национально-освободительного движения, которые непосредственным образом влияли на его имидж на международной арене. В конце концов в НКВДе решили, что власть корейского правительства не легитимна и его нельзя в полной мере считать представителем корейского народа.

Ключевые слова: Советское правительство, Временное правительство Республики Корея, корейское национально-освободительное движение, Коминтерн, советско-японские отношения, советские корейцы.

Введение

1 марта 1919 г. в Сеуле произошел митинг, на котором была зачитана подготовленная корейскими националистами «Декларация независимости» Кореи. Декларация гласила, что Корея – это независимое государство, а корейцы – самостоятельный народ. Несмотря на то, что Декларация не содержала призыва корейцев к вооруженному сопротивлению японским колониальным властям, она спровоцировала очень бурную реакцию корейского народа, поддержавшего идею независимости Кореи. На протяжении марта – апреля 1919 г. колониальная Корея была охвачена многочисленными демонстрациями, проходившими под лозунгами «Да здравствует независимость!». Японское генерал-губернаторство жестоко подавило народные выступления, вошедшие в корейскую историю как Первомартовское движение (*самиль ундон*).

На волне Первомартовского движения в Корею, а также за ее пределами корейские националисты объявили о создании временного правительства. Считается, что в целом в разных ре-

гионах было провозглашено не менее 8 временных правительств [Ли Манъэль, 2009, с. 35]. Среди них три правительства – Приморское Временное правительство, созданное в России (17.03.1919), Шанхайское Корейское Временное правительство (11.04.1919), Хансонское Временное правительство, провозглашенное в Инчхоне (23.04.1919), – объединились и в сентябре 1919 г. сформировали единое Временное правительство Республики Корея. Президентом республики был избран Ли Сынман, премьер-министром – Ли Донхви, министром внутренних дел – Ли Доннён, министром юстиции – Син Гюсик, министром иностранных дел – Пак Ёнмин, министром труда – Ан Чханхо. Временное правительство Республики Корея с 1919 по 1945 г. находилось на территории Китая. После освобождения Кореи от японского колониализма, не добившись международного признания, члены Временного правительства вернулись в Корею как частные лица осенью 1945 г. В дальнейшем, отказавшись участвовать в сепаратных выборах в Национальное собрание в мае 1948 г., по итогам которых была принята Конституция и сформировано правительство Республики Корея, Временное правительство фактически прекратило свое политическую деятельность.

В советской историографии, как правило, Временное правительство Республики Корея именовали «Временное правительство Корейской Республики», или «Шанхайское Временное правительство» по месту его расположения. Деятельность данного правительства оценивалась крайне негативно, во-первых, потому, что его возглавил Ли Сынман, правый националист, «американский агент», а, во-вторых, за исключением короткого периода в его истории (1919–1920), идеологическая платформа правительства основывалась на идеях «буржуазной демократии» [Пак, 2003, с. 779]. В постсоветской, российской историографии оценки деятельности правительства стали более выдержанными, но тема Временного правительства Республики Корея за редким исключением являлась самостоятельным предметом исследований российских историков-корееведов [Тихонов, 2011, с. 112–113; Курбанов, 2002, с. 369]. В работе Б. Д. Пак «СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение. 1918–1925» [Пак, 2006, с. 73–95] впервые в российском корееведении подробно повествуется о переписке между Советским правительством и Временным правительством Республики Корея, а также о том, какое влияние на развитие двусторонних отношений оказала фракционная борьба внутри корейского революционного движения, Коминтерне, и внешнеполитическая ситуация на Дальнем Востоке в целом. Впоследствии вопросы истории контактов между двумя правительствами затрагивались исследователями – участниками научной конференции по случаю 90-летия Первоапрельского восстания 1919 г. – Ли Манъэлем, Б. Б. Пак [Ли Манъэль, 2009; Пак, 2009].

С момента провозглашения Временного правительства (*тэханмингук имси чонбу*) 11 апреля 1919 г. его корейское название включало имя собственное «Республика Корея», то есть соответствовало современному названию южнокорейского государства. В преамбуле Конституции Республики Корея, принятой в 1987 г., не только упоминается, но и отмечена правовая преемственность современного корейского государства с Временным правительством Республики Корея (*тэханмингук имси чонбу*) [Тэханмингук хонпоп, 1987]. С тем чтобы подчеркнуть суверенный характер образования Республики Корея, а также переосмыслить отдельные события, предшествующие провозглашению республики в 1948 г., в Южной Корее в последние годы стали с гораздо большим вниманием относиться к теме Временного правительства, возникшего на волне Первоапрельского движения. В настоящей статье дипломатические контакты Временного правительства Республики Корея с Правительством РСФСР проанализированы в контексте взаимодействия Политбюро РКП (б), НКВД и Коминтерна по вопросам внешнеполитической стратегии большевиков на Дальнем Востоке, а также фракционной борьбы внутри корейского национально-освободительного движения в 1920–1922 гг.

Первая миссия Временного правительства РК в Советскую Россию. 1920 год

27 января 1920 г. премьер-министр Временного правительства Республики Корея Ли Донхви (1873–1935) направил из Шанхая (копия на английском) письмо на китайском языке на имя В. И. Ленина, в котором выразил пожелание установить дружественные связи с Советским правительством и сообщил, что отправил в Россию уполномоченного представителя Временного правительства Хан Хёнгуна. В своем письме, сопровождаемым верительной грамотой на имя Хан Хёнгуна, Ли Донхви указал на взаимный интерес российского и корейского народов в предотвращении угрозы, исходящей от японского империализма и капитализма. «Борьба ко-

рейцев за свободу и независимость соответствует внешнеполитическим идеям Советской России, одним из ключевых принципов которых является принцип самоопределения нации», – писал Ли Донхви. Хотя мы не располагаем текстом ответного письма Ленина, но косвенным образом можно заключить, что он все-таки ответил на обращение Ли Донхви. В мае 1920 г. Ли Донхви отправил очередное письмо премьеру Советского правительства, искренне поблагодарив его «за сочувствие корейскому народу» (ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. С. 59). В этом же письме он еще раз повторил, что откомандировал в Россию Хан Хёнговна.

Путь Хан Хёнговна в Москву пролегал через Сибирь. По некоторым сведениям, он покинул Шанхай в апреле 1920 г. (Там же. С. 61). Как он добирался до столицы Советской России, можно судить из телеграмм Пак Диншуна, служившего в то время в информационном отделе ИККИ и являвшегося одновременно членом Партии корейских социалистов (*Ханин сахведан*), созданной во Владивостоке в 1919 г. В одной из телеграмм он сообщил о том, что 18 мая 1920 г. Хан Хёнгвон приехал в Иркутск, а 29 мая выехал в Москву. Когда точно Хан Хёнгвон прибыл в Москву неизвестно, но в 10-х числах июня он уже точно находился в городе. 29 мая 1920 г. Хан Хёнгвон направил письмо уполномоченному НКВД РСФСР Я. Д. Янсону с просьбой разрешить откомандировать курсантов корейского отделения при Сибирских советских пехотных курсах командного состава в Верхне-Удинскую корейскую роту (Там же. С. 60–61). Таким образом, представитель Временного правительства обозначил одну из целей своей миссии – подготовку офицеров для Корейской революционной армии.

16 июня Хан Хёнгвон выступил с приветственным словом на первой сессии ВЦИК как представитель Партии корейских социалистов и Временного правительства РК [Пак, 2009, с. 23]. На следующий день, 17 июня, Хан Хёнгвон написал письмо в НКВД, информируя об общих задачах Временного правительства, а в письме от 5 июля – о целях и задачах его обращения к Советскому правительству. «Корейское Временное Правительство в целях широкой постановки государственной Пропаганды и Агитации, в целях максимального развития партизанского движения и других видов и средств революционной борьбы за независимость Корейской государственности и за свободную жизнь Корейского многострадального народа считает необходимым установить контакт и достигнуть соглашение с РСФСР...» (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 3. П. 101. Д. 1. Л. 90–91). Временное правительство предложило следующее:

- 1) признать Временное правительство, представляющее корейский народ, как правительство самостоятельного государства;
- 2) предоставить Временному правительству займ на два миллиона долларов;
- 3) открыть в Иркутске инструкторскую (офицерскую) школу для подготовки командиров организуемой революционной Корейской армии.

Тот факт, что Временное правительство Республики Корея решило обратиться с предложением о сотрудничестве к РСФСР во многом определялось «левизной» его политической тактики и платформы в 1919–1920 гг. Ли Донхви был одним из основателей Партии корейских социалистов, ярким представителем левого крыла национально-освободительного движения. Эмиссар, которого он направил в Москву, будучи премьер-министром Временного правительства, также был членом данной партии. Революционный курс Временного правительства четко характеризует письмо Хан Хёнговна Чичерину от 17 июня 1920 г.

«Временное правительство для достижения вожаемой цели – независимости Кореи в данный момент принимает следующую тактику в борьбе с Японией:

1. Призыв массы к неподчинению законам японского правительства и распоряжениям японского генерал-губернаторства в Корею.
2. Призыв масс к отказу в платеже налогов и податей, взимаемых японским правительством.
3. Призыв массы к продолжению саботажа, бойкота, забастовок и другого вида протеста и борьбы против японского насилия.
4. Призыв масс к беспощадной войне против монархистов и дворян, продавших свободу родного народа Японии.
5. Призыв масс путем агитации и пропаганды к восстанию в защиту за погранные права.
6. Поддержка партизанам, оперирующим в северных лесных районах Кореи, то есть в пограничных полосах с Маньчжурией» (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 3. П. 101. Д. 1. Л. 70–71).

Курс Временного правительства на революционную борьбу против «японских империалистов» соответствовал общей внешнеполитической линии большевистского правительства в 1917–1920 гг. Выступив за мир без аннексий и контрибуций, большевики тем самым сообщали народно-революционным силам в колониально зависимых странах, что признают справедливой и оправданной их борьбу за независимость. Считая на тот момент времени наиболее вероятным победу социалистической революции в странах Запада, нежели чем на Востоке, руководство РКП (б) полагало важным оказывать всемерную помощь рабочему движению и революционным группам в колониально зависимых странах. Именно в рамках данного внешнеполитического курса надо понимать обращение молодого Советского правительства 26 июля 1919 г. к корейской революционной организации «Кунминхве» (Корейское национальное собрание) и ко всему корейскому народу. «В то время как Красная Армия и корейские солдаты будут бороться с японцами со стороны Урала, корейский народ должен восстать в своей стране и сделать все усилия, чтобы войти в сношения с Рабоче-крестьянским правительством в России. Тогда только соединенными усилиями мы сможем прогнать японцев из Владивостока и из Страны Утреннего Спокойствия. Час освобождения близок. Корейские революционеры, напрягайте ваши последние усилия» (ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941, с. 44–45).

В беседе с японским корреспондентом К. Фусэ в июне 1920 г. Ленин отметил, что «настоящий коммунизм может иметь успех пока только на Западе, однако ведь Запад живет на счет Востока; европейские империалистические державы наживаются главным образом на восточных колониях, но они в то же время вооружают и обучают свои колонии, как сражаться, и этим Запад сам роет себе яму на Востоке» [Ленин. Т. 41]. Для того чтобы подготовить народы Востока к революции, а также реализовать на практике принцип равноправия наций, Ленин считал, что советская власть должна оказывать всемерную помощь революционным группам внутри колоний и за рубежом, в том числе сотрудничать и с буржуазно-демократическими партиями. Последнее виделось одной из важных задач созданного большевиками в 1919 г. Коммунистического Интернационала. В тезисах Ленина ко II Конгрессу Коминтерна было сказано: «Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной форме» [Там же]. Временный союз с буржуазной демократией являлся тактическим приемом, цель которого заключалась в укреплении революционных сил колониальных народов, нацеленных на восстановление национального суверенитета. Ставка Ленина на союз с буржуазной демократией в странах Востока делала возможным союз Советского правительства с правыми националистами в национально-освободительных движениях стран Востока. В то же время следует подчеркнуть, что это был временный союз, от которого большевики могли в любое удобное время отказаться. Это важно иметь в виду, когда мы говорим о дипломатических контактах Временного правительства Республики Корея и Советского правительства. Временное правительство состояло изначально из представителей разных политических групп национально-освободительного движения – как левых, так и правых. Но их общей целью было поражение японского империализма и восстановление корейской государственности.

Выступая за мир без аннексий и призывая одновременно к солидарности в рабочем движении, поддерживая революционные силы по всему миру, большевики достаточно быстро осознали, что необходимо соблюдать некий баланс между интернационалистской риторикой и необходимостью мирного сосуществования с империалистическими державами, война с которыми существенно подрывала силы советского государства. В декабре 1920 г. Ленин, выступая на собрании актива московской организации РКП (б), отметил необходимость использовать противоречия между империалистическими державами, с тем чтобы обеспечить мир и дать советскому государству возможность окрепнуть, восстановить свое хозяйство. В этой же речи Ленин упомянул Корею в контексте империалистической вражды между США и Японией на Дальнем Востоке. «Япония будет воевать за то, чтобы продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских. Недавно мы получили корейскую газету, рассказывающую, что делают японцы. Здесь соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством, но этот лакомый кусочек хотят

вырвать американцы» [Там же. Т. 42]. Большевики, считал Ленин, должны использовать эти противоречия для достижения выгодных экономических контрактов с одной из враждующих стран, в частности, с США.

Если игра на противоречиях между крупными державами могла принести Советскому правительству весомые финансовые дивиденды, то для революционных сил малых народов в колониях она могла выйти боком. Собственно, так и произошло: до тех пор, пока большевики не приступили к переговорам с японцами по вопросу урегулирования ситуации на российском Дальнем Востоке в 1921 г., они всячески поддерживали корейское революционное движение, в том числе антияпонские партизанские отряды, появившиеся в этом регионе еще в 1905–1910-е гг. [*Пак Бён Юль*. Национально-освободительное движение...]. Когда же большевики начали обсуждение условий мирного урегулирования между Дальневосточной Республикой и Японией, то это поставило под вопрос целесообразность дальнейшей поддержки корейских революционных групп, тесно связанных с антияпонскими партизанскими отрядами в данном регионе. Перемена в отношениях большевистского правительства с Японией не могла не отразиться на его позиции в отношении Временного правительства Республики Корея.

Временное правительство, Коминтерн и фракционная борьба в корейском коммунистическом движении

Вопросами внешней политики в Советской России занимались НКВД, Политбюро РКП (б) и с 1919 г. Коминтерн. Будучи формально независимой международной организацией, Коминтерн фактически превратился в дополнительный орган, посредством которого РКП (б) решала свои внешнеполитические задачи. В задачи Коминтерна входила «поддержка классовой борьбы и социалистических революционных движений в международном масштабе» [*О'Коннор*, 1991, с. 206]. После его создания НКВД сосредоточился в основном на вопросах поддержания мира и установлении дипломатических связей с иностранными государствами. Концептуальное разделение функций НКВД и Коминтерна вовсе не означало, что два этих органа могли совершенно самостоятельно принимать решения внешнеполитического характера. Действия НКВД определяло Политбюро РКП (б), а Коминтерну, начиная с 1922 по 1928 г., удалось сохранить некоторую самостоятельность. Политбюро РКП (б) в зависимости от ситуации могло полагаться то на мнение Коминтерна, то на НКВД. Ввиду того что и Коминтерн, и НКВД занимались внешней политикой на Востоке, через них корейские коммунисты различных фракций пытались лоббировать свои интересы. Здесь мы подходим к важному вопросу: как советские органы власти оказались вовлечены во фракционное противостояние внутри корейского революционного движения?

После Октябрьской революции 1917 г. проживающие в России корейцы стали стихийно самоорганизовываться в рабочие союзы, создавать политические и общественные организации левого толка, поддерживающие советскую власть. Помимо прочего, для консолидации корейских революционных групп в Советскую Россию из-за рубежа приезжали корейские политические деятели, участвующие в национально-освободительном антияпонском движении. Так, в России возникли секции корейской национальной организации «Кунминхве», открытой еще в 1909 г. в Сан-Франциско. Деятельность секций «Кунминхве» поддерживал НКВД. И именно с их работой было связано первое обращение Советского правительства к корейскому революционному движению и корейскому народу летом 1919 г. (см. выше). В апреле 1919 г. во Владивостоке была создана Партия корейских социалистов, лидерами которой был Ли Донхви, Пак Диншунь (1897–1938) (фактически партия была создана на основе Союза корейских социалистов, возникшего годом ранее в Хабаровске, также при участии Ли Донхви). Членом данной партии также был и Хан Хёнвон. Летом 1920 г. Пак Диншунь участвовал в заседаниях II Конгресса Коминтерна, после которого его назначили в члены ИККИ как представителя Дальнего Востока. Таким образом, Пак Диншунь, будучи представителем корейских социалистов, политическим союзником Ли Донхви в корейском революционном движении, получил статус, позволявший лоббировать интересы последнего в ИККИ и НКВД. Помимо группы Пак Диншуня – Ли Донхви («шанхайская фракция» – по названию места проведения съезда коммунистических организаций, на котором было провозглашено создание Корейской коммунистической партии в 1921 г.), влиятельную группу корейских коммунистов в Советской России представлял Нам

Манчхун (1891–1938), заведующий корейской секцией РКП (б) в Иркутске («иркутская фракция»).

Состоявшийся в июле 1920 г. в Иркутске съезд корейских коммунистических организаций России обозначил серьезные разногласия «иркутской фракции» с Партией корейских социалистов по вопросу об отношении к корейским националистам, представителям правого крыла национально-освободительного движения, к которым в том числе относилось Временное правительство Республики Корея. По предложению Нам Манчхуна на съезде была принята резолюция, объявлявшая, что «национальные общества в России и Сибири, вышедшие из Америки и ставящие себе целью освобождение Кореи, постепенно утратили свою первоначальную физиономию национальной революционной организации», а потому должны быть ликвидированы (ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. С. 63). Позднее курс на отказ от сотрудничества с националистами в рамках корейского революционного движения, который не поддерживала «шанхайская фракция», был продолжен на Всероссийском съезде корейских революционных организаций в г. Омске (октябрь 1920 г.). На съезде была принята резолюция «Об отношении к Шанхайскому корейскому временному правительству».

«Съезд, считая Шанхайское Временное Правительство по своему составу буржуазно-демократическим, объединяющим вокруг себя почти все революционные элементы Кореи под лозунгом только национального освобождения от японского ига, но в то же время на точке зрения необходимости использования всех революционных организаций и элементов Кореи, фактически борющихся за уничтожение японского капитала, представляющего угрозу всей мировой пролетарской революции, полагает, что директивы и постановления Шанхайского Временного Правительства необязательны для партии, но в то же время находит в случае необходимости возможным введение в состав правительства представителей партии, которые, пользуясь авторитетом правительства, должны способствовать скорейшей дифференциации пролетарских масс в класс и, проводя в жизнь принципиальную линию партии, постепенно разлагать правительство, чтобы передать всю полную власть в руки партии или взорвать это правительство изнутри» (Там же, с. 79).

В противостояние между двумя ведущими фракциями в корейском коммунистическом движении на территории Советской России оказались вовлечены Коминтерн и НККИД. В январе 1921 г. в соответствии с Постановлением ИККИ в Иркутске было учреждено представительство Коминтерна в виде Дальневосточного секретариата под руководством Б. З. Шумяцкого. Шумяцкий поддерживал и защищал интересы «иркутской фракции», тогда как А. М. Краснощеков, член Дальневосточного бюро РКП (б), – интересы «шанхайской фракции». Но с созданием Дальневосточного секретариата ИККИ в Иркутске было принято решение ликвидировать аппарат Дальневосточного бюро РКП (б) и все его дела, в том числе корейской секции, передать в Дальневосточный секретариат. Судя по отчету Шумяцкого в ИККИ, Краснощеков не торопился сдавать дела (Там же. С. 113–114). Лоббирование интересов «иркутской фракции» отчетливо проявилось после созыва съезда корейских коммунистов в мае 1921 г. в Иркутске, на котором был избран ЦК Корейской коммунистической партии. Представители «шанхайской фракции» были отстранены от работы в ЦК и подвергнуты критике. В свою очередь, Шумяцкий стал требовать от ИККИ лишить всех мандатов Пак Диншуня за то, что тот «ведет дезорганизаторскую работу, не гнушаясь расконспирированием наших работников» (Там же, с. 126–127). Одним из решений ЦК был призыв к советским органам власти воздержаться от сотрудничества без рекомендаций ЦК ККП с представителями отдельных корейских политических и партийных организаций (корейские временные правительства, социалистические партии и прочие), ибо они якобы вводят их в заблуждение относительно реального революционного положения в Корее.

Чичерин был принципиально против того, чтобы поддерживать только одну какую-то группу в корейском революционном движении. Поэтому его реакция на требование ЦК Корейской компартии была негативная. В письме В. М. Молотову от 9 июня 1921 г. Чичерин писал:

«Вы послали мне на заключение два постановления ЦК Корейской коммунистической партии. Его требования, чтобы Центральные Советские учреждения воздерживались без рекомендации ЦК ККП от каких бы то ни было сношений с представителями других корейских политических и партийных организаций, есть нечто совершенно неслыханное и прямо-таки чудо-

вищенное. Даже в передовых странах с сильным и развитым коммунистическим движением некогда коммунистические партии не доходили до того, чтобы требовать от нас для себя такой монополии на сношения и запрета сношения с какими-либо организациями без их рекомендации. Стеснять свободу Советского правительства в сношениях с какими ему угодно лицами и организациями, хотя бы Кореи, конечно, совершенно недопустимо. Тем более в отсталой стране, в которой коммунизм может существовать лишь в виде крайне слабого, тепличного ростка, ставить все наши сношения под контроль этой едва родившейся неопытной коммунистической партии — просто чудовищно...» (Там же, с. 130).

В этот же день Чичерин направил письмо в ЦК РКП (б), в котором выразил возмущение намерением Молотова обсудить вопрос о посылке корейских партизан в Корею с представителями Коминтерна и только потом в ЦК. Чичерин считал излишним такое широкое обсуждение данного вопроса в текущей внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке.

«Но абсолютно необходимо сейчас, не медля ни единой минуты, принять принципиальное решение о том, чтобы не бросать вызова Японии и не совершать таких действий, которые могут ее поднять на дыбы. Я указывал принципиально, что, с одной стороны, мы должны демонстративно выказывать полную боевую готовность и боевое настроение в чисто оборонительном смысле, но, с другой стороны, мы должны безусловно воздерживаться от всяких нападений или подготовки к нападениям на Японию и на те интересы ее, которые она считает жизненными, как например ее власть в Корее. Демонстративная посылка в данный момент повстанцев в Корею может сыграть прямо-таки роковую роль, дав возможность крайней военной партии Японии одержать верх и начать наступление по всему фронту против нас. Мы еще отнюдь не потеряли надежды, что можно избежать большой войны, так не надо ее вызывать нашими действиями...» (Там же, с. 129).

Ленин поддержал предложение Чичерина не предпринимать никаких демонстративных действий в отношении Японии. Это решение легло в основу резолюции ЦК РКП (б). Оба предложения Чичерина в конечном счете предопределили растущее отчуждение Советского правительства от революционных идей корейских коммунистических групп по оказанию вооруженного отпора японскому империализму. А именно с этой идеей изначально выступило Временное правительство РК.

Практические результаты деятельности первой миссии Временного правительства в России

Год спустя, когда в Москву была отправлена вторая миссия от Временного правительства, выяснились некоторые обстоятельства того, каким образом был подобран состав первой миссии. Решение об отправке миссии в составе трех человек в Россию было принято Временным правительством зимой 1919 г. В отличие от самого правительства, находящегося в Шанхае, делегаты должны были прибыть из других мест. «Пока делегатов вызывали в Шанхай для получения официальных инструкций Ли-Донг-Ув (премьер) [Ли Донхви] послал Хан-Хиунг-Квуна [Хан Хёнгвона] в Москву. В 1920 г. летом делегаты, назначенные Временным правительством прибыли [Шанхай] и правительство намеревалось их немедленно отправить, но Ли-Донг-Уви запротестовал против немедленной отправки, мотивируя свой протест следующим, что в данное время выгодно не посылать делегацию, Правительство решило отложить отправку делегации...» (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 8. П. 116. Д. 36. Л. 210). Исходя из данного письма, можно заключить, что Ли Донхви тайно отправил миссию в Москву, включив в нее тех делегатов, которых считал политически надежными. А таковыми могли быть только члены Партии корейских социалистов, лидером которой был Ли Донхви.

Южнокорейский историк Пан Бён Юль писал, что изначально на собрании членов Временного правительства 22 января 1920 г. было решено отправить в Россию в качестве эмиссаров Хан Хёнгвона, Ё Унхёна и Ан Гонгына, но в конце апреля из трех человек отправился в Москву только Хан Хёнгвон. Наличные деньги на дорожные расходы были выделены Хан Хёнгвону с согласия министра финансов Юн Хёнчжина, министра внутренних дел Ли Гюхона и министра транспорта Ким Чхоля. Корейский историк Пан Бён Юль считает, что Ли Донхви не отправил в Москву Ё Унхёна и Ан Гонгына по политическим соображениям, так как оба этих кандидата относились к противоборствующим фракциям внутри Временного правительства: Ё Унхён был членом Молодежной партии Новой Кореи (Синхан чхоннёндан), Ан Гонгын

– сторонником Ан Чханхо, одного из лидеров правого крыла корейских националистов [*Пан Бён Юль*. Росиа..., 2010, с. 500].

На протяжении всего периода своего визита в Россию Хан Хёнгвон поддерживал связь с Пак Диншунем, приехавшим в Россию еще в конце 1919 г. и постоянно находящимся в Иркутске. Одной из главных задач миссии Хан Хёнгвона было получение финансовой помощи от Правительства РСФСР. Но он был не первый, кто обратился за финансовой помощью к Советскому правительству. До него Пак Диншунь уже обсуждал с НКВД вопрос о выделении средств Партии корейских социалистов для поддержки корейского революционного движения. И, судя по документам НКВД, Пак Диншунь получил эту помощь в размере 4 млн рублей в марте 1920 г., то есть еще до прибытия Хан Хёнгвона в Москву. Из отчета Ли Донхви и Пак Диншуня Чичерину о расходовании денежной субсидии от 16 октября 1921 г. мы узнаем, что в марте 1920 г. корейскому правительству и корейскому революционному движению было выдано 4 млн рублей («царские» – 2 млн, «думские» – 1500 000, «советские» – 500 000); половина этой суммы была удержана уполномоченным НКВД в Сибири Ф. И. Гапоном (председатель Президиума Восточного Бюро при Сибирской миссии по иностранным делам), четвертая часть – тов. Юриным (уполномоченный Дальневосточной Республики в Пекине). «Получается, всего одна четверть всей суммы после реализации [обмена] на мексиканские доллары дала [на сумму семи тысяч пятисот (7500) мексиканских] долларов» (ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. С. 149). Помимо этого, из отчета следует, что они получили сверх того в сентябре 1920 г. 400 тыс. рублей золотом. Сведение о том, что в марте Партией корейских социалистов было получено 4 млн рублей подтверждает записка Пак Диншуня в Финансовый отдел НКВД от Пак Диншуня от 24 марта 1920 г.: «Прошу выдать мне 4 миллиона / 4 000 000 руб. / рублей, ассигнованы Советом Народных Комиссаров РСФСР для осуществления революционных задач в Корее (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 3. П. 101. Д. 1. Л. 41). Что касается второй суммы, то в АВПРФ хранится Постановление Коллегии НКВД от 3 сентября 1921 г., в котором написано о том, что Корейскому Временному правительству через Хан Хёнгвона отпущено 200 тыс. рублей золотом (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 4. П. 103. Д. 15. Л. 122). В отчете же Ли Донхви и Пак Диншуня речь идет о 400 тыс. рублей. Пак Диншунь сообщил, что из 400 тыс. Хан Хёнгвон должен был привезти в Шанхай по их поручению 60 тыс. золотых рублей.

Ли Донхви и Пак Диншунь предоставили Чичерину подробный отчет, как были израсходованы полученные ими суммы в 1920 г. Исходя из сметы расходов, Шанхайскому Временному правительству ничего не досталось. Но, возможно, и не должны были, раз деньги получил лично Пак Диншунь, член Партии корейских социалистов. Вопрос: почему Хан Хёнгвон, будучи уже официально представителем Временного правительства и получив в сентябре 1920 г. 400 тыс. рублей золотом (по некоторым сведениям, 200 тыс.), ничего не передал правительству? По крайней мере, по заявлению второй миссии Временного правительства в Москве «ни один рубль из этих денег [400 тыс. рублей] не последовал Правительству и даже не было сообщения об этом факте» (АВПРФ. Ф. 0146. О. 8. П. 116. Д. 36. Л. 211). Об этом также говорится и в письме представителей корейской делегации (Ким Гюсик, Хан Менсе, Ким Сихен, Цой Чхансик) на I Съезде революционных организаций Дальнего Востока в ИККИ от 5 апреля 1922 г.: «...Хан Хен Гвон, уехавший в Шанхай со второй частью финансовой поддержки Временному правительству Кореи (этих денег Временное правительство пока не видело в глаза) от Советского правительства в сумме 200 000 рублей золотом...» (ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. С. 197).

23 сентября 1923 г. Хан Хёнгвон написал длинное письмо в НКВД о Временном правительстве, в котором объяснил, почему было решено не передавать полученные им от НКВД деньги Временному правительству. «Потеря популярности и власти Временного правительства связана с действиями Лисынмана [Ли Сынмана], который подал петицию в Лигу наций о передаче Кореи в мандатное управление правительства США, что рассматривалось в революционных кругах, как случай нарушения основной идеи независимости Кореи» (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 5. П. 104. Д. 10. Л. 19). Несогласные с курсом Ли Сынмана, занимавшего должность президента во Временном правительстве Республики Корея (1919–1925), вышли из его состава. Это, по мнению Хан Хёнгвона, привело к тому, что Временное правительство «перестало существовать, а лишь было слепым орудием Лисынмана [Ли Сынмана]». Хан Хёнгвон решил, что не

стоит отправлять деньги правительству, действующему в таком составе. На совещании корейских революционеров в Шанхае в 1923 г., на котором якобы присутствовали 4 бывших члена Временного правительства (из 9), было принято решение выделенные деньги правительству не передавать, потратить их на организацию Всекорейского съезда корейских революционеров и на помощь корейским организациям, занимающимся подготовкой терактов в отношении японских чиновников (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 5. П. 104. Д. 10. Л. 20).

Направление второго эmissара Временного правительства в Советскую Россию. 1921 год

Весной 1920 г. Ли Донхви вышел из состава Временного правительства в связи с внутриполитическими разногласиями. По всей видимости, некоторое время до этого Временное правительство выяснило, что Ли Донхви, будучи премьером, тайно отправил миссию в Москву для установления контактов и получения финансовой помощи. Как было написано в одном из писем второй миссии, отправленной в мае–июне 1921 г. в Москву, «в 1920 году зимой, появились неофициальные сообщения о том, что Хан-Хиунг-Квун [Хан Хёнгвон] собрал деньги среди корейцев в России, а также сумел получить от Русского Правительства 400 000 золотых рублей, как официальный представитель Корейского правительства, но ни один рубль из этих денег не последовал Правительству и даже не было сообщения об этом факте. После исследования Корейское Правительство получило известие из достоверных источников, что приобретенные деньги в России Хан-Хиунг-Квуном, были частным образом распределены и растрочены между несколькими заговорщиками, включая Ли-Донг-Уви [Ли Донхви]. Это привело к отстранению Ли от правительства и к увольнению Хана 18 мая 1921. Но для того, чтобы получить официальное подтверждение от русского правительства, Корейское Правительство немедленно делегировало корейскую миссию в Москву, чтобы разузнать, а также исправить действия Хана, и открыть искренние намерения Корейского Правительства к Советскому Правительству...» (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 8. П. 116. Д. 36. Л. 211).

В мае 1921 г. новый премьер Временного правительства Син Гюсик (1920–1922) отправил на имя главы НКВД Г. В. Чичерина письмо, в котором сообщил, что они отзывают Хан Хёнгвона и отправляют другого эmissара – Ли Хигёна (1894–1947) «в качестве особоуполномоченного для Советской России». Син Гюсик выразил сожаление по поводу злоупотреблений Хан Хёнгвона во время его пребывания в России. Временное правительство считало, что Хан Хёнгвон преследовал исключительные свои частные цели. И, как следствие, скомпрометировал своими нечестными действиями Временное правительство (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 4. П. 103. Д. 13. Л. 12). Таким образом, в НКВД узнали о том, что в Москву направляется второй эmissар Временного правительства Республики Корея – Ли Хигён, представитель умеренных сил в национально-освободительном движении. При этом нет никаких свидетельств, по крайней мере по документам АВПРФ и РГАСПИ, что в НКВД сомневались в личности Хан Хёнгвона как законного представителя Временного правительства. Вместе с этим известно, что Хан Хёнгвон стал открыто выражать сомнение в том, что Ли Хигён является официальным эmissаром Временного правительства. И это вопреки тому, что Временное правительство, по сообщению второй корейской миссии, вручило Хан Хёнгвону письмо о его «увольнении» в 1921 г. в Берлине, как раз в то время, когда Ли Хигён ждал разрешения въехать в Россию. В сентябре 1921 г. Хан Хёнгвон направил письмо на имя Духовского, заведующего Отделом Востока НКВД, в котором выразил сомнение в личности Ли Хигёна, а также подозревал его в провокации (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 4. П. 103. Д. 13. Л. 27).

Открытая дискредитация Хан Хёнгвоном нового эmissара Временного правительства совпала по времени с агрессивным поведением «иркутской фракции» по вопросу о сотрудничестве с националистами в революционном движении, а их позицию, как было сказано выше, поддерживал Дальневосточный секретариат Коминтерна. В телеграмме Б. З. Шумяцкого Г. В. Чичерину, С. Н. Дуковскому, М. А. Трилиссеру о положении Временного корейского правительства в Шанхае от 22 сентября 1921 г. говорилось, что в текущем составе, после выхода Ли Донхви, Временное правительство практически не существует. Шумяцкий предложил не поддерживать Временное правительство, так как это внесет раскол в среду корейских революционеров, «изживших идеологию Временного правительства». Более того, он отметил, что поддержка правительства «преступна с точки зрения реальной политики и успешного развития

революционного движения в Корею» (ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. С. 144). Позднее и Хан Хёнгвон подключится к критике в адрес Временного правительства, дав понять НКВД, что его личные симпатии на стороне тех лиц, кто его вовремя покинул (премьер, министры иностранных дел, сообщений, внутренних дел, труда и просвещения) (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 5. П. 104. Д. 11. Л. 19–20).

Проблемы второй миссии Временного правительства РК в Москве

В отличие от первого уполномоченного, второй эмиссар Временного правительства прибыл в Москву через Европу, и вместе с секретарем Ан Гонгыном (1889–1939), младшим братом корейского патриота Ан Джунгына (1879–1910). Ли Хигён ожидал разрешения от ВЧК въехать в Россию. 26 сентября 1921 г. он написал Чичерину письмо, в котором сообщил, что является законным представителем Временного правительства, отправляется в Москву с поручением разобраться в «поведении Хан Хёнгвона». Одновременно с этим заведующий отделом Востока НКВД Духовский написал зам. наркома по иностранным делам Литвинову, что Ли Хигён (в документах его именовали Рей) и его товарищи «принадлежат к незначительной американофильской группе, входящей в состав Корейского Временного Революционного Правительства в Шанхае... Поэтому его желание приехать в Москву является более, чем странным. Ввиду вышеизложенного Отдел Востока со своей стороны не считает возможным пропустить Рея и его товарищей в пределы РСФСР» (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 4. П. 103. Д. 13. Л. 32). Но в конце ноября 1921 г. Иностранный отдел ВЧК сообщил, что не возражает против въезда в Россию представителей Временного правительства, гр. Рея. Таким образом, вторая миссия Временного правительства прибыла в Москву в январе 1922 г. в надежде быть принятой Г. В. Чичериным. Но он не торопился их принимать и, судя по документам, так и не принял второго эмиссара.

Что именно планировал выяснить Ли Хигён у Чичерина? Во-первых, его интересовало, какие именно договоренности были достигнуты между Хан Хёнгвоном как представителем Временного правительства и правительством РСФСР. Во-вторых, какое количество денежных средств было передано Хан Хёнгвону для отправки Временному правительству. В-третьих, был ли кто-то еще, кроме Хан Хёнгвона, кто бы представлялся Советскому правительству в качестве официального лица Временного правительства РК. Финансовый вопрос, пожалуй, был самым значимым. У второго эмиссара были разрозненные сведения о том, сколько денег получил Хан Хёнгвон от Советского правительства и как они были потрачены. Ввиду того что Хан Хёнгвон прибыл в Москву, когда Ли Донхви фактически вышел из состава Временного правительства, Хан Хёнгвон уже не имел реальных обязательств перед последним. Именно Ли Донхви отправил Хан Хёнгвона в Москву, причем тайно. Между Ли Донхви и Хан Хёнгвоном существовали договоренности, в том числе финансовые, и для их реализации необходимо было выполнить «план миссии» до конца. Фактически это означало – до того, как Временное правительство не обнаружит, что миссия была отправлена и не отзовет Хан Хёнгвона.

Финансовое состояние второй миссии было плачевным. Фактически благодаря поддержке НКВД им удалось разместиться в ведомственной гостинице и даже питаться там. Время шло, но никаких результатов расследования не было. В итоге было принято решение вернуться обратно в Шанхай. 3 июня 1922 г. Ан Гонгын написал С. Р. Духовскому о планируемом отъезде корейской миссии и попросил сообщить о расходах, потраченных советской стороной на ее содержание. Помимо прочего, Ан Гонгын попросил Духовского оплатить расходы миссии на поездку в Шанхай через Западную Европу. Он обещал вернуть деньги немедленно по возвращении в Шанхай. Но Духовский отказал выделить средства для оплаты поездки миссии в Шанхай. Ан выразил недоумение данным решением, поскольку он не стал бы обращаться за помощью, будь у них на это деньги. В то же время он выразил признательность, что НКВД до сих пор снабжал их продовольствием и предоставил жилье. Ан выразил надежду, что Духовский пересмотрит свое решение (АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 5. П. 104. Д. 10. Л. 41–42). Точно неизвестно, были ли выделены средства на дорожные расходы корейской миссии, но летом 1922 г. ее члены покинули Россию, так и не узнав детали и результаты переговоров первого эмиссара Хан Хёнгвона с НКВД.

Заключение

В 1920–1922 гг. Временное правительство Республики Корея дважды направляло в Москву своих представителей для установления прочных дипломатических, военно-политических связей. Дружелюбное отношение Советского правительства к Временному правительству в 1920–1921 гг. подтверждает тот факт, что его первому эмиссару удалось заручиться поддержкой НКВД, Коминтерна и получить финансовую помощь. Общий внешнеполитический курс Временного правительства, направленный на ликвидацию японского колониализма, освобождение Кореи, соответствовал внешнеполитической стратегии большевистского правительства на Дальнем Востоке. Более того, в период премьерства Ли Донхви во Временном правительстве (1919–1920) его политическая программа отличалась высокой степенью революционности и «левизны». По крайней мере, именно так первый эмиссар Хан Хёнгвон преподнес задачи и цели Временного правительства Республики Корея перед большевиками. Тот факт, что в составе Временного правительства были правые националисты, не отпугивал вначале Советское правительство, поскольку оно полагало важным развивать сотрудничество в рамках революционного движения с представителями буржуазной демократии. Но по мере усиления фракционной борьбы внутри левого крыла корейского национально-освободительного движения отношение к Временному правительству стало стремительно меняться. Корейские коммунисты, организовавшие на территории России рабочие союзы, политические партии, неоднократно доносили в ИККИ, НКВД о буржуазном составе и слабом положении Временного правительства в национально-освободительном движении, дискредитируя таким образом его в глазах руководящих органов советской власти. После выхода Ли Донхви из Временного правительства весной 1920 г. он продолжил переписку с НКВД и Лениным лично, но как представитель «шанхайской фракции» корейских коммунистов.

При изменении позиции Советского правительства к Временному правительству Республики Корея также нужно иметь в виду смену внешнеполитического курса большевиков на Дальнем Востоке. Стремясь к установлению мира, большевики перешли от активной вооруженной борьбы с японцами к переговорам. Установление перемирия потребовало некоторых уступок со стороны советской власти, в частности по вопросу о корейских вооруженных отрядах, действующих в Приморье. При подписании Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией 20 января 1925 г. в статье 5 было прописано, что «ни одна из сторон не будет разрешать присутствие на территории, находящейся под ее юрисдикцией, организаций или групп, претендующих быть правительством какой-либо части другой стороны», а также не допустит «чужеземных подданных или граждан, относительно которых было обнаружено, что они фактически ведут политическую работу для этих организаций или групп» (Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г.). Переговоры с японцами растянулись на четыре года и косвенным образом отразились на выстраивании приоритетов Советского правительства в дальневосточной политике. Конвенция стала отражением новой внешнеполитической концепции большевиков, в основе которой была идея мирного сосуществования с «японским империализмом» на Дальнем Востоке. Необходимость политики мира, сотрудничества с капиталистическими державами осознавалась Чернышев, Лениным задолго до того, как была официально закреплена в решениях XIV Съезда РКП (б) в декабре 1925 г. В рамках этого нового курса поддержание тесных связей с Временным правительством Республики Корея не представлялось выгодным большевикам, тем более что к 1923 г. оно переживало серьезный кризис, ослабев от фракционной борьбы внутри корейского национально-освободительного движения. Так, контакты Временного правительства с правительством РСФСР в конечном счете завершились ничем: корейцам не удалось добиться ни дипломатического признания, ни заручиться стабильной финансовой поддержкой.

Примечания

¹ This work was supported by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea NRF - 2017S1A5B4055531.

Список источников

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0146. Оп. 2. П. 101. Д. 6; Оп. 3. П. 101. Д. 1; Оп. 4. П. 103. Д. 13; Оп. 4. П. 103. Д. 15; Оп. 5. П. 104. Д. 11; Оп. 7. П. 108. Д. 15.
ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. М.: РОССПЭН, 2007. 814 с.
Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/337144> (дата обращения: 06.01.2020).

Библиографический список

Ли Мангёль. Образование Временного правительства Республики Корея и его деятельность (1919–1945) // К 90-летию Первоапрельского народного движения 1919 г. в Корее: материалы науч. конф. М.: Первое марта, 2009. С. 33–51.
Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 625 с.
Ленин В.И. Полное собрание сочинений [Электронный ресурс]. Т. 41, 42. URL: <https://leninism.su/works.html> (дата обращения: 28.09.2021).
О'Коннор Т.Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930. М.: Прогресс, 1991. 318 с.
Пак Б.Д. СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение. 1918–1925. М.: ИВ РАН, 2006. 415 с.
Пак Б.Б. Первоапрельское движение 1919 года в Корею и его историческое значение // К 90-летию Первоапрельского народного движения 1919 г. в Корею: материалы науч. конф. М.: Первое марта, 2009. С. 14–23.
Тэханмингук хонпоп, 1987 (Конституция Республики Корея 1987 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=61603#> (дата обращения: 30.09.2021).
Пан Бён Юль. Росиа (сорён)-ый тэханмингук имси чонбу инсик (Взгляды Советской России на Временное правительство Республики Кореи) // Ёкса мунхва ёнгу чже 35 чжип (Сборник работ по истории и культуре). 2010. Т. 35. С. 489–524.
Пан Бён Юль. Национально-освободительное движение Кореи и российский Дальний Восток (1905–1910) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-osvoboditelnoe-dvizhenie-korei-i-rossiyskiy-dalniy-vostok-1905-1910-gg> (дата обращения: 06.01.2020).
Пак М.Н. История и историография Кореи. Избранные труды. М.: Восточная литература, 2003. 911 с.
Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. Т. 2. XX век. М.: Восточная книга, 2011. 498 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.05.2020

PROVISIONAL GOVERNMENT OF THE REPUBLIC OF KOREA SEEKING COOPERATION WITH THE SOVIET RUSSIA (1920–1922)

N. N. Kim

National Research University “Higher School of Economics”, Pokrovsky b., 11, 109028, Moscow, Russia
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka str., 12, 107031, Moscow, Russia
nkim@hse.ru

ORCID: 0000-0001-7728-7968

ResearcherID: J-8327-2015

Scopus Author: 57216869879

As a result of the March 1st uprising, which swept colonial Korea in the spring of 1919, Korean nationalists established the Provisional Government of the Republic of Korea in Shanghai. One of the main tasks of the Provisional Government was to achieve international recognition and receive financial assistance for the implementation of anti-Japanese resistance. To this end, it tried to establish contacts with the Soviet government, which expressed support for the national liberation movement of Koreans against Japanese imperialism. Based on the documents from the Archive of Foreign Affairs of the Russian Federation and published sources of the Russian Archive of Socio-Political

History, the article analyzes diplomatic correspondence between the Provisional Government of the Republic of Korea and the government of the RSFSR, and identifies the key stages and problems of bilateral relations in 1920–1922. Initially, the relations between two sides were developing on a friendly basis. The Soviet government was interested in deepening cooperation with all groups of the Korean anti-Japanese resistance. But, as the situation on the Far Eastern Front changed and contradictions between different groups within the Korean left movement in Russia and abroad intensified, the Soviet position towards the Korean nationalists was rethought. However, the Provisional Government of the Republic of Korea was still interested in recognition and financial assistance from the Bolsheviks. The dispatch of two emissaries of the Provisional Government to Russia over only two years testifies to serious contradictions within the national liberation movement, which directly affected the government's image in the international arena. Finally, the People's Commissariat of Foreign Affairs decided that the power of the Provisional Government was not legitimate and that it could not be fully considered a representative of the Korean people.

Key words: Soviet Government, Provisional Government of the Republic of Korea, Korean national liberation movement, Communist International, Soviet-Japanese relations, Soviet Koreans.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea NRF – 2017S1A5B4055531.

References

- Bang, B. (2010), “The Views of Soviet Russia on the Provisional Government of the Republic of Korea”, *Yeosu munhwa yeongujae*, vol. 35, pp. 489–524.
- Bang, B., *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie Korei i rossiiskiy Dal'nii Vostok (1905–1910)* [The National Liberation Movement of Korea and the Russian Far East (1905–1910)], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-osvoboditelnoe-dvizhenie-korei-i-rossiyskiy-dalniy-vostok-1905-1910-gg> (accessed: 01.06.2020).
- Daehanmingung heonbeop, 1987* [Constitution of the Republic of Korea 1987], available at: <http://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=61603#> (accessed: 09.30.2021).
- Kurbanov, S.O. (2002), *Kurs lektsiy po istorii Korei* [A Course of Lectures on the History of Korea], Izd-vo SPbGU, St. Petersburg, Russia, 625 p.
- Lenin V.I., *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works], vol. 41, 42, available at: <https://leninism.su/works.html> (accessed: 28.09.2021).
- Li, M. (2009), “Formation of the Provisional Government of the Republic of Korea and its activity (1919–1945)”, in *K 90-letiyu Pervomartovskogo narodnogo dvizheniya 1919 g. v Koree: materialy nauch. konf.* [To the 90th Anniversary of the 1st March People's Movement of 1919 in Korea: Proceedings of the Scientific Conference], Pervoe Marta, Moscow, Russia, pp. 33–51.
- O'Konnor, T.E. (1991), *Georgiy Chicherin i sovetskaya vneshnyaya politika 1918–1930* [Georgiy Chicherin and Soviet Foreign Policy in 1918–1930], Progress, Moscow, Russia, 318 p.
- Pak, B.B. (2009), “The 1st March Movement of 1919 in Korea and Its Historical Significance”, in *K 90-letiyu Pervomartovskogo narodnogo dvizheniya 1919 g. v Koree: materialy nauch. konf.* [To the 90th Anniversary of the 1st March People's Movement of 1919 in Korea: Proceedings of the Scientific Conference], Pervoe Marta, Moscow, Russia, pp. 14–23.
- Pak, B.D. (2006), *SSSR, Komintern i koreiskoe osvoboditel'noe dvizhenie. 1918–1925* [USSR, Comintern and Korean Liberation Movement. 1918–1925], IVI RAN, Moscow, Russia, 415 p.
- Pak, M.N. (2003), *Istoriya i istoriografiya Korei. Izbrannye trudy* [History and Historiography of Korea. Selected Works], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, 911 p.
- Tikhonov, V.M. & M. Gang (2011), *Istoriya Korei* [History of Korea], vol. 2, Vostochnaya kniga, Moscow, Russia, 498 p.